

ДОКТРИНА ЗАКОННОГО ОЖИДАНИЯ И ЭСТОППЕЛЬ: СООТНОШЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

THE DOCTRINE OF LEGAL EXPECTATION AND ESTOPPEL: RELATIONSHIP AND PROSPECTS FOR EFFECTIVE USE IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

*G. Adygezalova
Yu. Kovaleva*

Summary. The article provides a comparative analysis of the nature of estoppel and the doctrine of legitimate expectations, which have not yet found legislative consolidation in the Russian legal system, but which are reflected in judicial practice and are attracting increasing interest of legal scholars, taking into account the reform of civil legislation. The authors give examples of the mention of estoppel in judicial arbitration practice, legal expectation in the decisions of the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that estoppel is effective and applicable in civil and arbitration proceedings, as well as in civil law, while the doctrine of legitimate expectations could become a full-fledged institution for the protection of powerless subjects in public law relations.

Keywords: the doctrine of legitimate expectation, estoppel, balance of private and public interests.

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна

*Д.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»*

Gyulnaz_2000@mail.ru

Ковалева Юлия Николаевна

*Доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»*

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ природы эстоппеля и доктрины законных ожиданий, не нашедших пока законодательного закрепления в российской правовой системе, но имеющих отображение в судебной практике и вызывающих все больший интерес правоведов с учетом реформы гражданского законодательства. Авторы приводят примеры упоминания эстоппеля в судебной арбитражной практике, законного ожидания в постановлениях Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда РФ. Авторы приходят к выводу, что эстоппель эффективен и применим в гражданском и арбитражном процессе, а также в гражданском праве, в то время как доктрина законных ожиданий могла бы стать полноценным институтом защиты невластных субъектов в публично-правовых отношениях.

Ключевые слова: доктрина законного ожидания, эстоппель, баланс частных и публичных интересов.

Доктрина законных ожиданий и эстоппель являются базовыми и крайне специфическими институтами английского права, которым уделяется большое внимание в работах правоведов. Считаем, что появление фрагментарных частей таких доктрин в российском законодательстве и судебной практике без детального научного анализа их соотношения, а также без сравнительно-правовых исследований, посвященных возможности встраивания данных концепций в систему российских принципов права, не корректно, но достаточно перспективно при внимательном и глубоком подходе к рецепции [1].

В английской правовой доктрине как в common law, так и в equity выделяют различные виды эстоппеля. Например, такие как, эстоппель заверением, эстоппель обещанием, эстоппель соглашением. В отсутствие нормативного закрепления в российском законодатель-

стве термина эстоппель и его видов еще сложно говорить о какой-то устоявшейся классификации, кроме как по виду правоотношений: 1) эстоппель процессуальный 2) эстоппель в гражданском праве 3) эстоппель в международном праве.

Главенствующей в настоящее время в литературе является позиция, что эстоппель проявляется там, где субъекты правоотношений равны, то есть во внутригосударственном частном праве и в международном публичном праве. Поэтому невозможно применение эстоппеля к правоотношениям с публичным элементом.

Верховный Суд РФ также выносил решение, согласно которому эстоппель не может применяться в банкротных правоотношениях в силу их публичного характера [2].

Логичным дополнением к доктрине эстоппеля частных правоотношений будет доктрина законных ожиданий, применяемая к публичным заверениям.

Остановимся подробнее на соотношении доктрины законного ожидания с институтом эстоппеля.

Истоками эстоппеля в каком-то смысле можно назвать римское право, так как концепция «*venire contra factum proprium*» является своеобразным прообразом принципа эстоппель «*by matter in pais*» [3]. В праве Англии не существует единой теории эстоппеля, так как каждый вид подлежит обособленному анализу в целях достижения справедливости [4].

В зарубежной литературе можно встретить следующие определения эстоппеля. В юридическом словаре Блэка эстоппель определяется как: 1) правовой запрет, воспреещающий лицу утверждать требование или право, которое противоречит тому, что это лицо сказало или сделало ранее; 2) правовой запрет, который предотвращает повторное судебное разбирательство по ранее рассмотренному вопросу; 3) способ защиты, основанный на возможности добросовестно полагаться на сделанные ранее ложные заверения [5]. Кембриджский словарь содержит следующую дефиницию: «эстоппель — это правило, запрещающее лицу изменять ранее высказанное мнение» [6].

В процессуальном смысле эстоппель — это запрет стороне в процессе действовать в противоречии со своим предшествующим поведением и ранее сделанными заявлениями [7].

В международном праве «утрата участником международного договора права ссылаться на обнаружившееся основание недействительности такового (напр., ошибка, обман, подкуп представителя государства при заключении этого договора и др.), если данный участник после того, как ему стало известно о соответствующих фактах, определенно или молчаливо согласился с тем, что договор по-прежнему сохраняет силу» [8].

В российской доктрине можно не существует единого подхода определения эстоппеля как отдельного принципа права или же как института. На наш взгляд более логичной представляется позиция авторов, которые развивают эстоппель как проявление или продолжение принципа добросовестности. Добросовестное поведение как эстоппель видится в недопустимости противоречивого непоследовательного поведения стороны в то время как другая сторона положила на определенную правовую ситуацию, созданную предшествующим поведением оппонента.

Российское гражданское законодательство не содержит термина «эстоппель», однако, например, процессуальный эстоппель в законодательстве проявляется через системное толкование норм ст. 41, ч. 3.1 ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса, например. Считается, что впервые процессуальный эстоппель применительно к арбитражному процессу был сформулирован в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 [9]. Спустя 10 лет примеры применения процессуального можно часто встретить в судебной практике Арбитражных судов, реже в практике судов общей юрисдикции. В «Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 [10] имеется отождествление эстоппеля с утратой права на возражение в суде ввиду недобросовестного процессуального поведения.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19.11.2018 № Ф05–20176/2018 указано, что процессуальный эстоппель — запрет ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались стороной бесспорными, исходя из ее действий или заверений. В целом в российской арбитражной практике эстоппель считают средством достижения правовой определенности (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.11.2017 по делу № А44–208/2017).

Эстоппель в литературе [11] и судебной практике относят не только к процессуальному праву, но и к материальному. Нормативным выражением запрета противоречивого поведения и эстоппеля в материальном праве часто называют положения о недействительности сделок: п.п. 2 и 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, о незаключенности договоров в п. 3 ст. 432 ГК РФ, а также норму п. 5 ст. 450.1 об отказе от договора.

По мнению А.В. Николаева только в международном праве эстоппель является самостоятельным правовым принципом, в то время как а в сфере гражданских правоотношений это один из инструментов защиты законных ожиданий субъекта [12].

Однако в публикациях уже все чаще и чаще встречается распространение эстоппеля на частноправовые отношения с участием публичного субъекта или даже публичные правоотношения [13]. Хотя, по нашему мнению, для правоотношений невластных субъектов с органами власти более применима концепция законного ожидания, нежели эстоппеля, в целях защиты частных лиц от властных злоупотреблений. А.Ф. Евтихийев, подчеркивая различную происхождения и правовой природы рассматриваемых в настоящей статье институ-

тов, писал о существовании двух систем обеспечения устойчивости законодательства: англо-американской, базирующейся на учении об эстоппеле, и континентально-правовой, базирующейся на защите законных ожиданий и прав, основанных на принятых правовых актах [14].

Доктрина законных ожиданий, по мнению М.А. Кондрашовой, исторически защищает две группы законных ожиданий частных лиц: материально-правовые и процедурные ожидания [15].

В английской литературе отмечается, что доктрина законных ожиданий — именно «процессуальное правомерное ожидание» (*procedural legitimate expectation*) — со временем расширилась стала охватывать область материального права [16].

Доктрина законных ожиданий в ее английской проявлении, а также в интерпретации Европейского суда по правам человека, как будет показано далее, следует из принципов верховенства права, правовой определенности, добросовестности и доверия государству в их сочетании. Правомерные или законные ожидания в самом общем виде возникают тогда, когда имеется явно выраженная воля в форме «обещаний» или действий и решений органов государственной власти, на основании которых у невластного субъекта могли возникнуть ожидания в отношении того или иного положения вещей в конкретной правовой ситуации.

Доктрина законных ожиданий не ограничивает свободу органов публичной власти, если ее действия и решения направлены на общественный интерес. В тоже время доктрина защищает интересы частных лиц с учетом обусловленности изменчивости решений органов государственной власти во имя достижения общего блага. Ведь органам публичной власти необходимо реагировать на меняющиеся условия, что мы ярко увидели на примере изменений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции. Не всегда материально-правовые ожидания частного лица подлежат защите, особенно когда несправедливость в отношении одного лица обусловлена интересами большинства [17].

Законное ожидание не должно быть абсолютным для частного лица и стагнировать развитие полномочий и действий органов публичной власти в зависимости от изменяющихся обстоятельств в пользу общественного блага. Баланс является ключевым моментом, по нашему мнению.

В практике ЕСПЧ множество актов со ссылкой на доктрину законного ожидания при рассмотре-

нии дел о праве собственности. Приведем некоторые из них.

В Постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Пайн Вэлли Девелопментс Лимитед» и другие против Ирландии» (*Pine Valley Developments Ltd v. Ireland*) от 29 ноября 1991 г. имеется первое упоминание «законного ожидания» в практике ЕСПЧ: законные ожидания основаны на решении органа власти при отсутствии полномочий в целях компенсации устранения несправедливости. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Енерйылдыз против Турции» (*Oneryildiz v. Turkey*) от 30 ноября 2004 г. закрепляет законное ожидание на эффективное использование имущественного права. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Драон против Франции» (*Draon v. France*) от 6 октября 2005 г. констатируется, что законное ожидание имеется, если оно подтверждается национальной судебной практикой. В Постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Жигалев против Российской Федерации» (*Zhigalev v. Russia*) от 6 июля 2006 г. отмечается, что законное ожидание основывается на правовом акте. В Постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Стретч против Соединенного Королевства» (*Stretch v. the United Kingdom*) от 24 июня 2003 г. суд указал, что законно обоснованное ожидание основывается на правовых нормах, имевших выраженный правовой и имущественный характер.

В решении ЕСПЧ по делу «Рише и Ле Бер против Франции» (*Richetand Le Ber v. France*) от 18 ноября 2010 г. суд обобщил, что законное ожидание может основываться не только на законе и (или) сложившейся судебной практике, но и на условиях заключенного договора).

Как видно на основе приведенных примеров, чаще всего речь идет о законном ожидании при принятии нормативного или ненормативного правового акта органами государственной власти, но ЕСПЧ расширяет смысл термина «законодательство» до судебных актов и даже договоров, участником которых является государство.

Нами в настоящей статье предлагается затронуть проблему и вынести ее на обсуждение в следующем аспекте: а может ли подпадать под доктрину законного ожидания судебная практика, особенно в сочетании с принципами правовой определенности и непротиворечивости судебных актов (единообразия судебной практики). Например, если в государстве (где судебный прецедент не является однозначно признанным источником права) имеется устоявшаяся судебная практика, вправе ли лицо ожидать такой же по отношению к себе.

Мы понимаем, что это привело бы, во-первых, к существенному расширению смысла и содержания законного ожидания, а во-вторых, не вписывается в судебное усмотрение, в индивидуальность рассматриваемого дела. Но как быть, когда дела действительно идентичны. Ведь, по нашему мнению, лицо должно иметь обоснованное предположение, что будет находиться в равном положении с другими заявителями (истцам и другими лицами, участвующими в деле) в аналогичных спорах. Доктрина законных ожиданий это проявление стабильности. Стабильность законодательной власти обеспечивается через принцип запрета обратной силы закона и принцип правовой определенности. А стабильность правоприменения — в действиях органов исполнительной власти и судов. А в понимании ЕСПЧ судебная практика, которая в том числе толкует норму права, является составной частью понимания закона и законодательства в широком смысле (Постановление ЕСПЧ по делу «Касадо Кока против Испании» (Casado Cosa v. Spain) от 24 февраля 1994 г., Постановление ЕСПЧ по делу «Лейла Шахин против Турции» (Leyla Sahin v. Turkey) от 10 ноября 2005 г.).

Относительно упоминания термина «законное ожидание» в практике Верховного суда РФ (далее ВС РФ) также приведем несколько примеров.

ВС РФ включил в Обзор Практики № 1 за 2020 год позицию, выраженную в Определении по делу № 305-

ЭС19-14421, в котором дается правая оценка Письма ФНС России от 09.06.2015 № ГД-4-3/9996@. Суд указывает, что оно опубликовано для всеобщего сведения, то есть способно сформировать у налогоплательщиков соответствующие законные ожидания относительно оценки своего поведения со стороны государства как правомерного [18].

Законное ожидание упоминается в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, где цитируется Постановление Европейского Суда по делу «Холмуродов против России» от 01.03.2016, где суд рассуждает о наличии или отсутствии «законно обоснованного ожидания» иностранного гражданина получить разрешение на временное пребывание [19].

Таким образом, мы выявили основное отличие доктрины законного ожидания и института эстоппеля, которое кроется в отношениях, к которым они применимы: к частным или публичным. Именно поэтому, как мы считаем, необходимо дополнение российской правовой системы доктриной законного ожидания, которая наряду с эстоппелем, применяемым к защите субъектов в частноправовых отношениях, создаст понятный механизм защиты невластного субъекта в отношениях с органами публичной власти, что в свою очередь прекрасно встроится в конструкцию с принципами баланса частных и публичных интересов, запрета обратной силы закона, принципом правовой определенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалева Ю.Н., Адыгезалова Г.Э. Соотношение доктрины законного ожидания с некоторыми правовыми принципами // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 4. Том 17. С 71–74.
2. Определение Верховного Суда от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339 по делу № А40-176343/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Palmer V.V., Reid E. Hunting Promissory Estoppel // Mixed Jurisdictions Compared: Private Law in Louisiana and Scotland / Ed. by V.V. Palmer, E. Reid. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. P. 304 (https://proxylibrary.hse.ru:2158/stable/pdf/10.3366/j.ctt1r1z8f.16.pdf?ab_segments=0%2Fbasic_SYC-5187%2Ftest&refreqid=search%3Ac3bab81c46eb35950b14162c41b715dc).
4. Johnson v. Gore Wood & Co., [2000] UKHL 65 (<https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2000/65.html>).
5. Black's Law Dictionary, Deluxe, Ninth Edition, Deluxe Version. West, 2010. P. 629.
6. Cambridge Dictionary // URL: <http://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/estoppel>.
7. Суспицына И. Третьейские и государственные суды: борьба за компетенцию // Корпоративный юрист: практикум. 2014. № 6. С. 18.
8. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2009. С. 728.
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 N13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 7.
10. «Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.
11. Муллина Ю.Н. Эстоппель и другие формы воплощения запрета противоречивого поведения в частном праве: сравнительно-правовой аспект // Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимова, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. СПС «КонсультантПлюс».
12. Николаев А.В. Эстоппель в российском праве: проблемы и перспективы практического применения // Международное публичное и частное право. 2014. № 4. С. 11–15.
13. Башарин А.В. Институт несоответствующего использования как механизм защиты ранее приобретенных прав при изменении градостроительного зонирования // Закон. 2020. № 4. С. 116–127.
14. Евтихийев А.Ф. Законная сила актов администрации. Люблин, 1911. С. 64.

15. Кондрашова М.А. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий // Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 199–214.
16. Opinions of the Lords of Appeal for Judgment. R (on the application of Bapio Action Limited and another) (Respondents) v. Secretary of State for the Home Department and another (Appellant) // UK Parliament Website. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200708/ldjudgmt/jd080430/bapio-2.htm> (дата обращения: 23.07.2017). Цит. по Черновол К.А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 184.
17. Lewis C. Fairness. Legitimate Expectations and Estoppel // Modern Law Review. 1986. Vol. 49. Iss. 2. P. 252.
18. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6.

© Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна (Gyulnaz_2000@mail.ru), Ковалева Юлия Николаевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет